

— Федор Раззаков —

ЗА ЧЬЕЙ СПИНОЙ ПРЯЧЕТСЯ ПРЕЗИДЕНТ?

Федор Раззаков

**За чьей спиной
прячется президент?**

«ЭКСМО»

2012

Раззаков Ф. И.

За чьей спиной прячется президент? / Ф. И. Раззаков — «Эксмо»,
2012

ISBN 978-5-699-55111-8

Сегодняшний мир настолько ожесточился, что профессия киллера становится едва ли не одной из самых востребованных. Всевозможные организации, партии, а зачастую целые государства выбирают теракты в качестве радикального способа решения политических и экономических проблем. Наемные убийцы целятся в банкиров, журналистов, предпринимателей, сенаторов, политических деятелей. Но самые чудовищные, резонансные, влекущие тяжелые последствия для мира преступления – это убийства первых лиц государства. Сколько видных политических деятелей погибло от рук террористов только в новейшей истории! Джон Кеннеди, Альдо Моро, Лоран-Дезире Кабила, Улоф Пальме... Этот скорбный список можно продолжить. Но он был бы намного длиннее, если бы не самоотверженный, а подчас геройский труд малозаметных людей из окружения высокопоставленных особ – личных телохранителей.

ISBN 978-5-699-55111-8

© Раззаков Ф. И., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	16
Обслуживание и охрана служебных и жилых помещений Гитлера	19
Охрана Гитлера в гостиницах	21
Охрана Гитлера в театрах	22
Охрана Гитлера на собраниях	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Федор Раззаков

За чьей спиной прячется президент?

Глава 1

Киллеры для царей и президентов

Если XIV—XVI века запомнились потомкам как ЭПОХА РЕНЕССАНСА, то XX век войдет в историю как ЭПОХА МАССОВОГО И ИНДИВИДУАЛЬНОГО ТЕРРОРА, ибо ни одна предшествующая эпоха не подарила человечеству такого количества жертв террора, как XX столетие. Именно поэтому высокопоставленным политическим деятелям пришлось серьезно задуматься о том, как уберечь себя от случаев индивидуального террора. Особенно серьезно эта проблема стояла перед политиками США, Европы, в том числе и России, где индивидуальный террор стал настоящим бедствием для политиков разных рангов именно в конце XIX – начале XX века. Достаточно сказать, что первый выстрел террориста в XX веке прозвучал в России: в феврале 1901 года эсер Петр Карпович смертельно ранил министра просвещения Николая Боголепова. Вслед за этим «эстафету» террора из рук России приняла Америка, где от рук убийцы пал 25-й президент США пятидесятивосьмилетний Уильям Мак-Кинли. Случилось это 6 сентября 1901 года в позолоченном храме в Буффало, когда президент открывал панамериканскую выставку. Через несколько минут после открытия президент США был убит неким Леоном Чолгашем и стал третьим президентом своей страны, погибшим от рук убийцы. Первым был президент Авраам Линкольн, убитый 14 апреля 1865 года актером Бутом в Вашингтонском театре. Вторым – президент Джеймс Гарфилд: в июле 1881 года адвокат Чарльз Гунто подстерег его на Вашингтонском вокзале и хладнокровно выстрелил ему в спину. Третьим оказался Уильям Мак-Кинли.

Стоит отметить, что в те времена, о которых идет речь, президенты США не имели профессиональной охраны. Например, когда А. Линкольн, получив около восьмидесяти писем с угрозами убийства, перед роковым посещением театра Форда попросил у военного министерства для себя охрану, ему в этой просьбе отказали. Более того, охрану возле театра возглавлял известный пьяница-полицейский Джон Паркер.

После того как А. Линкольн был убит, на свет явилась Секретная служба при Министерстве финансов. Она была создана 5 июля 1865 года, однако функции охраны президента США законодательно на нее возложены не были. Главной задачей этой службы стала борьба с фальшивомонетчиками, нефтяными аферистами, куклуксклановцами и прочими нарушителями закона. Поэтому гибель 20-го президента США пятидесятилетнего Джеймса Гарфилда стала закономерным результатом такого положения дел. В силу тех же причин через двадцать лет после Д. Гарфилда удалось покушение на У. Мак-Кинли.

Однако наступал XX век, и атмосфера его была несколько иной, чем в предыдущем столетии. Американская общественность потребовала от властей (или сами власти осознали реальное положение дел) усилить меры безопасности для президентов. С 1901 года президентов США стала охранять Секретная служба (а с 1906 года это в законодательном порядке являлось ее ОСНОВНОЙ функцией).

Между тем в России традиции по охране царствующих особ имели более давние корни, чем в Америке. Перелом произошел после того, как были совершены два покушения на Александра II. Первое – в Санкт-Петербурге в 1866 году, было осуществлено Г. Каракозовым, второе – в Париже через год, и руку к этому теракту приложил некто Березовский. После этих двух случаев охрана царя была усилена, и два следующих покушения также закончились провалом.

И все-таки в 1881 году террористы «переиграли» телохранителей царя, и 1 марта того же года Гриневицкий, метнув бомбу в Александра II, смертельно ранил его. Император, начавший преобразовывать российское самодержавие в конституционную монархию, погиб на своем служебном посту. После этого случая охрана царственных особ в России принимает планомерный и весьма решительный характер. В 1884 году реорганизовывается Главная императорская квартира – личная охрана государя императора. К ней принадлежали командующий ею (с 1881 года это был генерал-майор Петр Черевин), его помощник, их огромная свита, комендант, штаб-офицер для особых поручений, лейб-врачи, придворные духовники и огромная канцелярия. На финансирование этой квартиры ежегодно тратились миллионы государственных денег. Главными ее функциями являлись охрана императорской семьи, сопровождение ее во время переездов и путешествий и принятие всех прошений и ходатайств, поступавших на имя царя.

Таким образом, в отличие от Александра II, Александр III был окружен настоящей стеной охраны. Боясь Петербурга, он постоянно жил в Гатчине, рядом с ним не было ни одной живой души, не считая приближенных к императору лиц. Гатчина была настоящей крепостью, на несколько верст вокруг день и ночь дежурили солдаты, сквозь цепь которых без разрешения дворцового управления не мог пройти ни в ту, ни в обратную сторону ни один человек. Даже кабинет императора сторожили дюжие солдаты. Проверялась и пища, которую употреблял государь. За продуктами посылали каждый раз в другое место и к другому лицу, причем поставщики продуктов никогда не знали, что у них забирают продукты для государева стола. Кроме этого, по личному распоряжению Александра III очередной повар и его помощники назначались ежедневно в самый последний момент, внезапно и неожиданно для них. В дополнение ко всему кто-то из родственников царя постоянно дежурил на кухне.

Точно такими же мерами предосторожности обставлялась и каждая поездка государя из Гатчины. В день выезда изменялись маршруты пути, с вокзала отправлялось сразу несколько поездов, и никто не знал, в каком из них находится государь.

Но даже несмотря на столь внушительные мероприятия по охране царя, покушение на него все же состоялось. Случилось это возле станции Борки, когда царский поезд шел с юга на север. В результате взрыва бомбы поезд сошел с рельсов. Однако Александр III остался жив и невредим. Несмотря на все старания и розыски, полиции так и не удалось схватить его зачинщиков и раскрыть заговор.

Отметим, что Александр III пробыл на троне императора тринадцать лет и умер своей смертью (от воспаления почек) на сорок девятом году жизни. Его место занял последний российский император Николай II.

При нем была учреждена Тайная дворцовая полиция – отряд секретной команды по охране их императорских величеств. Создается и Священная дружина, в которую входят лица из придворной и другой знати для охраны государя императора. И, наконец, в 1902 году учреждается так называемая Добровольная охрана, состоявшая из проверенных людей, выполнявших во время царских вояжей роли подставных дворников, нищих и т. д.

Напомню, что первый выстрел террориста в XX веке прозвучал именно в России. Случилось это в феврале 1901 года. После этого настоящая волна террора обрушилась на «беременную революцией» Россию. В апреле 1902 года эсер Степан Балмашев застрелил министра внутренних дел Дмитрия Сипягина. Через несколько месяцев после этого были совершены покушения на виленского губернатора Владимира Валя и губернатора Харькова Ивана Оболенского. В мае 1903 года знаменитый эсер Григорий Гершуни выстрелил в губернатора Уфы Николая Богдановича, а еще через месяц Евгений Шуман смертельно ранил генерал-губернатора Финляндии Николая Бобрикова.

На место убитого министра Д. Сипягина встал пятидесятишестилетний Вячеслав Плеве, человек жесткий и решительный. Свои поступки он оценивал трезво и говорил: «Если моя

политика кому-то кажется суровой, это потому, что в государстве развиваются разрушительные явления, против которых нужно действовать быстро и жестко».

И Плеве действовал, наживая себе все новых и новых врагов. И эти враги в конце концов оказались куда жестче его. Через четыре месяца после провала первого покушения на министра, 18 марта 1904 года, они предприняли второе. Пятнадцатого июля эсеры Каляев, Сазонов, Боришанский и Сикорский заняли исходные позиции у Обводного канала в Санкт-Петербурге. Первым заметил карету министра Сазонов. Он и бросился первым к ней и метнул бомбу. Та угодила прямо в карету и буквально разорвала на куски Плеве и кучера. От взрыва пострадали еще семь человек, в числе которых были охранники и случайные прохожие. Получил свой осколок в живот и бомбометатель Сазонов. В ноябре того же года его будут судить и приговорят к пожизненному заключению.

Надо отметить, что покушаться в те годы на особ министерского ранга в России было делом не особо хлопотным. Узнав маршрут передвижения такой особы, надо было только набраться терпения, запастись бомбами и ждать нужного часа. Осечек обычно не бывало. Другое дело царская особа. В России того времени, охваченной террором, царя продолжала оберегать целая армия охранников. Если царь намеревался посетить с визитом какой-нибудь российский город, то уже за месяц до этого события туда отправлялась специальная группа, которая занималась исключительно подготовкой визита. Людьями из этой группы изучались улицы, по которым должен был проследовать царь, прочесывались и брались на заметку дома с проходными дворами, подозрительными чердаками и подвалами.

Личной охраной российского императора заведовал дворцовый комендант. К 1906 году их у Николая II сменилось двое: Петр Павлович Гессе руководил охраной с 1896 по 1905 год, Дмитрий Федорович Трепов прослужил на этом посту всего лишь год. Однако и этого года ему вполне хватило, чтобы полностью реорганизовать охрану царя. Придя на эту должность с поста министра внутренних дел России, Д. Трепов сумел объединить охрану царя и полицию в единое целое. Однако внезапная смерть в 1906 году прервала блестящую карьеру этого талантливого деятеля.

4 февраля 1905 года террорист Каляев с помощью бомбы взорвал 48-летнего дядю Николая II Великого князя Сергея Александровича. Гибель царственной особы произвела в Кремле переполох – ведь со дня 1 марта 1881 года, когда в результате такого же взрыва бомбы погиб государь император Александр II, царская династия была неприкасаемой. И без того солидная охрана царя Николая II была усилена и приведена в состояние повышенной боевой готовности.

Следующим объектом теракта стал отнюдь не царь. В той волне террора, что обрушилась на Россию, на него не было совершено ни одного покушения. И это при том, что цифры тогдашнего террора были поистине ошеломляющими. Если в 1905 году партией эсеров было совершено 51 покушение, то в 1907 году таких акций было уже совершено 78. Всего же в 1907 году было совершено на территории России 317 различных терактов. И в этой бойне царь остался жив.

Бомбометатели выбирали себе в качестве жертв фигуры не менее значительные, чем царь. Одной из таких фигур был председатель Совета Министров России и министр внутренних дел Петр Столыпин, на которого было совершено несколько покушений, пока одно из них не увенчалось успехом. Эта трагедия выглядела следующим образом.

В 1906 году Столыпин принял предложение царя и переехал во дворец. Однако к 1909 году отношения премьер-министра с государем испортились, и первый вынужден был уехать из Зимнего дворца на Фонтанку.

После того как Столыпин съехал с тщательно охраняемой резиденции российского монарха, эсеры вновь стали прорабатывать возможные операции по его устранению. И вот 1 сентября 1911 года в Киеве на премьер-министра было совершено очередное покушение. Однако прежде чем описать его, раскроем предысторию тех событий.

По версии некоторых советских историков, летом 1911 года Столыпин поставил перед Николаем II ультиматум: либо он (Столыпин) уходит в отставку, либо царь временно распускает Государственный Совет и Думу и проводит в жизнь его, столыпинский, законопроект. Постановка вопроса ребром вынудила противников премьер-министра активизировать свои действия против него. Отставкой Столыпина лично занялся дворцовый комендант Владимир Дедюлин, который действовал в тесном контакте с начальником дворцовой полиции Александром Спиридовичем и товарищем министра внутренних дел П. Курловым. Втроем они довольно быстро собрали на Столыпина обширный компрометирующий материал (тот не всегда лестно отзывался о государе, престиж его в кругах «Михаила Архангела» упал, светское общество Санкт-Петербурга им недовольно). Этот компромат заговорщики положили 15 марта 1911 года на стол императора. Однако тот не оценил хлопоты своих верных солдат: распустив Думу на три дня, он позволил Столыпину утвердить свой проект.

Потерпев поражение у царя, Дедюлин не успокоился и решил действовать через государыню императрицу. В течение нескольких дней он обдумывал свой план, по которому вышло, что самой опасной силой в борьбе с самодержавием в России являются большевики. Но, в отличие от эсеров, большевики действуют не посредством террора, а посему уничтожить их на законных основаниях достаточно сложно. Для того чтобы уничтожить, их необходимо поймать на чем-то очень серьезном. Если же серьезного повода нет, то можно его попросту подстроить. Удобным поводом для террора против большевиков, да и других революционеров, могло бы послужить убийство Столыпина.

А вообще, если смотреть на эту трагедию с исторической точки зрения, то устранение Столыпина было закономерно. Он своими реформами стремился разрушить русскую общину, пытаясь создать в России фермерство. Но страна в тот период не была к этому готова. Русский народ тогда имел общинный менталитет, поэтому индивидуалистические идеи Столыпина были обречены на провал. Коллективистский разум тогда был сильнее индивидуалистического. Это и предопределило судьбу премьера-реформатора.

Со своим планом Дедюлин ознакомил императрицу, и она дала «добро» на его осуществление. Акт устранения Столыпина заговорщики решили осуществить в Киеве, где в сентябре 1911 года намечались торжества по случаю открытия памятника царю-освободителю. Начальником Киевского охранного отделения был свояк Спиридовича Николай Кулябко, что существенно упрощало дело и гарантировало его благополучное завершение. Именно Кулябко нашел человека, который и должен был совершить покушение: этим человеком оказался анархист-коммунист Дмитрий Богров, сотрудник охраны с конца 1906 года с жалованьем в 150 рублей. В 1908 году именно Богров «сдал» охране «Южную» и «Интернациональную» группы анархистов-коммунистов, за что Кулябко заработал орден Владимира.

Однако подбить Богрова на убийство Столыпина должен был не Кулябко, а совсем другой человек, как бы не имевший никакого отношения к охране. После проверки нескольких кандидатур Кулябко выбрал некоего Щеколдина, который тут же выехал в Ниццу, где в те дни отдыхал Богров. Представившись ему связным ЦК партии эсеров, Щеколдин сумел умело подвести Богрова к теме физического устранения Столыпина.

В сущности, Богров и сам давно считал Столыпина виновным во многих бедах России. Щеколдин посоветовал Богрову поехать в Киев и завязать там тесные контакты с местной охранкой. Вербовку в агенты, мол, партия Богрову не разрешит, а вот «добрые отношения» завязать можно. Когда Богров покинул Ниццу, Щеколдина попросту убили люди Кулябко. Прибыв в Киев, Богров первым делом навестил Кулябко и рассказал ему о своих встречах с Щеколдиным, о «задании» партии. Кулябко разыграл удивление. Затем сказал, что этот теракт спасет Россию, которую при Столыпине ждет волна погромов, военное положение, беззаконие. Покушение решено было осуществить в театре, допуск в который будет контролировать лично Кулябко. После выстрела Богрова свет в театре погаснет, Богров после этого должен выбежать

на улицу, прыгнуть в экипаж и через несколько часов быть в Ялте, где его будет ждать шаланда. Если же Богрова схватят, то его поведение на суде тоже заранее обговорено. Он должен был сказать, что попал в театр, воспользовавшись доверчивостью Кулябко, точнее – войдя специально в доверие к нему. За эту речь Кулябко обещал Богрову скорое вызволение с каторги.

Первого сентября 1911 года Богров двумя выстрелами из пистолета смертельно ранил Столыпина. Генерал-губернатор Киева Гирс позднее вспоминал: «К девяти часам вечера начался съезд приглашенных в театр. На театральной площади и прилегающих улицах стояли сильные наряды полиции, у наружных дверей – полицейские чиновники, получившие инструкции о тщательной проверке билетов. Еще утром все подвальные помещения и ходы были тщательно осмотрены. В зале, блиставшей огнями и роскошью убранства, собиралось избранное общество...

В 9 часов прибыл государь с дочерьми. К своему креслу, первому от левого прохода, прошел Столыпин и сел в первом ряду. Рядом с ним, по другую сторону прохода, сел генерал-губернатор Трепов, направо – министр двора граф Фредерикс. Государь вышел из аванложи. Взвился занавес, и раздались звуки народного гимна. Играл оркестр, пел хор и вся публика. Патриотический подъем охватил и увлек всех. Шла «Сказка о Царе Салтане» в новой, чудесной постановке. При самом начале второго антракта государь с семьей отошел в глубь аванложи, а П. А. Столыпин, обернувшись спиной к сцене, разговаривал с графом Фредериксом и графом Иосифом Потоцким, я на минуту вышел к подъезду... Возвращаясь, я медленно шел по левому проходу к своему креслу, смотря на стоявшую передо мною фигуру Столыпина. Я был на линии шестого или седьмого ряда, когда меня опередил высокий человек в штатском фраке. На линии второго ряда он внезапно остановился. В то же время в его протянутой руке блеснул револьвер, и я услышал два коротких сухих выстрела, последовавших один за другим. В театре громко говорили, и выстрелы слышали немногие, но когда в зале раздались крики, все взоры устремились на П. А. Столыпина, и на несколько секунд все замолкло. Петр Аркадьевич как будто не сразу понял, что случилось. Он наклонил голову и посмотрел на свой белый сюртук, который с правой стороны, под грудной клеткой, уже заливался кровью. Медленными и уверенными движениями он положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!» Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо произнес: «Счастлив умереть за царя». Увидя государя, вошедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич, на виду у всех, благословил его широким крестом.

Преступник, сделав выстрел, бросился назад, руками расчищая себе путь, но при выходе из партера ему загородили проход. Сбежалась не только молодежь, но и старики, и стали бить его шашками, шпагами и кулаками. Из ложи бельэтажа выскочил кто-то и упал около убийцы. Полковник Спиридович, вышедший во время антракта по службе на улицу и прибежавший в театр, предотвратил едва не происшедший самосуд: он вынул шашку и, объявив, что преступник арестован, заставил всех отойти.

Я все-таки пошел за убийцей в помещение, куда его повели. Он был в изодранном фраке, с оторванным воротничком на крахмальной рубашке, лицо в багрово-синих подтеках, изо рта шла кровь. «Каким образом вы прошли в театр?» – спросил я его. В ответ он вынул из жилетного кармана билет. То было одно из кресел в восемнадцатом ряду. Я взял план театра и список и против номера кресла нашел запись: «Отправлен в распоряжение генерала Курлова для чинов охраны». В это время зашел Кулябко, прибежавший с улицы, где он все старался задерживать террористку, по приметам, сообщенным его осведомителем. Кулябко сразу осунулся, лицо его стало желтым. Хриплым от волнения голосом, с ненавистью глядя на преступника, он произнес: «Это Богров, это он, мерзавец, нас морочил».

Таким образом, Богров остался жив и невредим. Более того, раненый Столыпин стал медленно поправляться от полученных ранений. Над заговорщиками явно нависла угроза разоблачения. Но внезапно Столыпин почувствовал себя плохо и 5 сентября 1911 года в 10 часов вечера скончался.

В своем объяснительном рапорте на имя директора Департамента полиции Кулябко писал:

«Накануне совершения преступления Богров дал мне сведения, что «Николай Яковлевич» (псевдоним эсера-террориста) приехал в Киев, и из разговоров с ним он убедился, что готовится покушение на жизнь министра Столыпина и Кассо, причем Богрову поручена слежка за министрами и собирание их точных примет...

Когда Богров явился в театр, он был приглашен мною в одну из комнат, где состоялся разговор относительно «Николая Яковлевича», причем он заявил, что «Николай Яковлевич» сидит на его квартире, и уход его оттуда на другую квартиру возможен только ночью. Чтобы «Николай Яковлевич» не был пропущен наблюдением, я уговорил Богрова поехать домой.

Возвратившись, он доложил, что «Николай Яковлевич» пока сидит дома. Во втором антракте, продолжая волноваться за утерю наблюдения за «Николаем Яковлевичем», я вновь разговаривал с Богровым и убедил его совсем поехать домой, чтобы неотступно находиться при «Николае Яковлевиче», а в случае его выхода передать его наблюдению.

После чего, простившись со мною, Богров пошел одеваться, а я, встретивши товарища министра, генерал-лейтенанта Курлова, отправился с ним в одну из комнат, где сделал доклад о принятых мною мерах, во время коего Богров, воспользовавшись удобным моментом, вышел в зрительный зал и произвел злодейское покушение на жизнь премьер-министра...»

Девятого сентября 1911 года двадцатичетырехлетний Д. Богров предстал перед Киевским окружным военным судом и по приговору от 12 сентября того же года был вскоре повешен. Столь быстрое предварительное и судебное следствие уже тогда породило в обществе слухи, что Столыпин был убит Богровым по поручению высших чинов охранного отделения, МВД и чуть ли не придворных кругов. Уже тогда существовали две различные версии этого покушения. Первая сводилась к тому, что охранка хотела лишь инсценировать покушение на Столыпина, чтобы, предотвратив его, заработать на этом новые чины и ордена. Но они якобы утратили контроль над действиями Богрова, и покушение неожиданно состоялось.

Согласно второй версии, руководители охранки хотели, чтобы Столыпин был убит, и использовали Богрова в качестве слепого орудия убийства. Именно эту версию отстаивал в своей повести «Версия-2» Ю. Семенов. Но были и есть люди, которые опровергают обе эти версии.

Например, Б. Соколов по поводу этого покушения пишет:

«Богров действительно еще с 1906 года сотрудничал с Киевским охранным отделением и выдавал ему эсеров и анархистов. И потому начальника этой охранки Кулябко нисколько не удивило, когда 26 августа 1911 года Богров передал ему докладную записку, в которой утверждал, что познакомился с неким Николаем Яковлевичем Рудаковым, который и сообщил ему, что партия эсеров собирается совершить крупный террористический акт в дни царского пребывания в Киеве.

Кулябко тут же доложил о записке Богрова товарищу министра внутренних дел Курлову.

Тридцать первого августа Богров сообщил Кулябко, что Николай Яковлевич Рудаков прибыл в Киев с некой девицей Ниной Александровной и остановился у него на квартире. По словам Богрова, ему было предложено принять непосредственное участие в покушении, но он отказался. Тогда Николай Яковлевич попросил его узнать приметы Столыпина и министра народного просвещения Кассо. Богров информировал Кулябко, что 1 сентября Николай Яковлевич между двенадцатью и часом дня должен встретиться с Ниной Александровной, при-

чем он располагает двумя браунингами, а у женщины есть взрывные заряды. Богров попросил билет в оперу, поскольку террористы требовали от него выполнения порученного задания.

Первого сентября в середине дня Богров сообщил Кулябко, что встреча Николая Яковлевича и Нины Александровны перенесена на 8 часов вечера. Когда Богров появился в театре, Кулябко приказал ему вернуться на свою квартиру, чтобы проверить, там ли еще Николай Яковлевич. Богров вышел и, вернувшись через несколько минут, сообщил, что Николай Яковлевич ужинает. После этого он сел на свое место в восемнадцатом ряду партера. В антракте Кулябко повторил приказание, Богров вновь покинул театр и через несколько минут вернулся. Дежуривший у входа офицер отказался впустить его, поскольку билет Богрова уже был надорван. Проходивший в это время мимо Кулябко уладил инцидент. Богров вновь оказался в театре. Через несколько минут прозвучали роковые выстрелы.

Теперь обратимся к версиям.

Предположение, что Курлов, Кулябко и компания готовили инсценировку покушения, приходится отвергнуть сразу. В этом случае жандармы держали бы Богрова под очень жестким контролем, чтобы иметь возможность моментально его схватить, не доводя дело до стрельбы. Такого контроля, как мы видим, за Богровым в театре не было.

Вторая версия о заговоре чинов МВД с целью убийства Столыпина также не выдерживает критики, прежде всего с точки зрения мотивов. Как известно, при расследовании любого преступления всегда сначала надо ответить на вопрос: «Кому выгодно?» Можно допустить, что Курлов и его сотрудники не слишком тепло относились к премьеру (хотя Курлов в своих мемуарах, напротив, утверждает, что в ходе совместной работы проникся к Столыпину симпатией и заручился его доверием). Однако, как достаточно хорошо показывает, например, А. Я. Аврех в своей книге «П. А. Столыпин и судьба реформы в России» (1991), отставка Столыпина накануне его поездки в Киев была почти что предрешена, о чем были осведомлены Курлов и его подчиненные. Да и где была гарантия, что Богров будет стрелять именно в Столыпина, а не в царя? И кто мог поручиться, что выстрел Богрова убьет Столыпина? Ведь не отрикошетируй пуля от ордена на груди премьера в печень, пройди она на сантиметр в сторону, и Столыпин остался бы жив. Между тем даже неудачное покушение, совершенное агентом охраны, неизбежно вызвало бы скандал и привело бы к неминуемой отставке Курлова и других лиц, ответственных за охрану.

Или спрашивают: почему Кулябко не организовал наблюдения за самим Богровым? Однако это вполне объясняется тем, что начальник Киевского охранного отделения жестким наблюдением за квартирой Богрова боялся спугнуть террористов. Доверяя агенту, он, очевидно, полагал, что получит от самого Богрова наиболее полную информацию о террористах. Да и куда было Кулябко даже помыслить, что его агент пойдет на явно самоубийственный шаг – покушение на премьера в общественном месте безо всякой надежды скрыться?! Говорят также, что допуск Богрова в театр был разрешен вопреки инструкции, воспрещавшей доступ агентов-provokаторов в места присутствия царя и других высокопоставленных особ. Но и это нарушение можно понять. Ведь Кулябко надеялся, что в случае чего Богров сможет опознать в театре террористов и помочь предотвратить покушение.

Среди крайне правых кругов бытовало мнение о том, что Богров был не одиночкой, а лишь орудием широкого революционного или жидомасонского заговора. Марксистская историография поддерживала версию о жандармской акции. Так легенда дожила до наших дней».

Покушение 1 сентября 1911 года, во время которого был смертельно ранен П. Столыпин, было чуть ли не единственным серьезным случаем, когда угроза смерти непосредственно витала и над царем. До этого император всегда находился в безопасности, надежно прикрытый своей многочисленной охраной. Обычно, когда государь посещал театры, личная охрана царя проявляла чудеса мастерства, предусматривая заранее все возможные случаи покушения. Театр в такие моменты был буквально напичкован агентами охраны. Одни из них, одетые во

фраки или смокинги, занимали места в партере, другие – рассредоточивались за сценой, на галерке, в уборных и в буфете. Все билеты на спектакль, который соизволит почтить своим присутствием государь император, продавались по самым строгим правилам. За час-два до начала спектакля в театр прибывала специальная группа охраны, которая глазами «встречала» гостей. Им были известны в лицо все крупные революционеры и сомнительные личности. Эти же люди наблюдали за зрителями в зале: не дай Бог кто-то явно занервничает, характерно опустит руку в карман, направится вдруг к императорской ложе.

И вот, даже несмотря на все подобные меры предосторожности, 1 сентября 1911 года в киевском театре в нескольких метрах от царя было совершено дерзкое покушение на одного из влиятельнейших людей России. Хотя П. Столыпин уже давно утратил доверие у самого Николая II. Иначе как можно было объяснить, что в тот роковой день премьер-министру России не нашлось места в правительственных экипажах и он собирался уже нанять извозчика. Спасибо городскому голове, который уступил Столыпину свой экипаж.

После покушения первого сентября охрана российского царя в буквальном смысле слова достигает своего совершенства: государя императора охраняли снизу, сверху и с боков. В штате его охраны были задействованы мотоциклисты, велосипедисты, летчики, моряки и т. д. Когда в августе 1912 года Николай II был приглашен московскими земскими деятелями в Москву на юбилейные торжества по случаю столетия Отечественной войны 1812 года, охране царя это мероприятие обошлось в двести тысяч рублей. Причем посетить деревню Фили охрана царю не позволила, так как путь к ней был весьма небезопасен. С доводами своей охраны царь согласился.

Тем временем в декабре 1913 года в возрасте пятидесяти пяти лет скончался дворцовый комендант В. Дедюлин. Царь не знал, кого назначить на этот пост, однако в дело вмешалась его супруга Александра Федоровна. Она посоветовала мужу назначить на эту должность зятя министра императорского двора Владимира Фредерикса сорокапятилетнего Владимира Воейкова, который тогда служил командиром лейб-гвардии гусарского полка. По поводу этого назначения А. Мосолов впоследствии писал: «Граф Фредерикс был уже очень стар и часто болел, я в это время получил назначение в Румынию. Воейкова сдерживать было некому, и он, пользуясь своим влиянием, стал полным и безответственным распорядителем полиции и первым лицом в окружении государя».

Таким образом, в лице В. Воейкова мы имеем тот случай, когда начальник охраны становится для своего шефа не чем-то вроде слуги, а чуть ли не первым его советником. Эта ситуация в наши дни станет нередко повторяться.

Сам В. Воейков о своей службе при царе вспоминал следующим образом: «В круг прямых обязанностей дворцового коменданта входило как общее наблюдение за безопасностью императорских резиденций, так и главный надзор за безопасностью пути во время Высочайших путешествий, вследствие чего все правительственные учреждения должны были сообщать поступающие к ним сведения, имевшие отношение к обязанностям, возложенным на дворцового коменданта, в непосредственном подчинении которому находились: особое управление, дворцовая полиция, охранная агентура, собственные Его Величества сводный пехотный и железнодорожный полки и собственный Его Величества конный для несения службы, а для исполнения различных поручений командировались выбранные самим дворцовым комендантом военные и гражданские чины всех ведомств.

Ведению дворцового коменданта подлежала полиция Царского Села, Петергофа, Гатчины и Павловска, все охранные команды дворцовых управлений и императорских дворцов, также как и полицмейстеры Императорских театров.

Собственный Его Величества железнодорожный полк занимался эксплуатацией и охраной специальной железнодорожной ветки, так называемой Царской, между Петербургом и Царским Селом: при Высочайших же путешествиях чины полка командировались для кон-

троля мостовых сооружений и подаваемых паровозов на всех путях следования императорских поездов...

При выездах Его Величества за район, установленный вокруг дворца для охраны, дворцовый комендант должен был сопровождать государя...

Со станции Его Величество отбывал в закрытом моторе, в который по обыкновению приглашал дворцового коменданта, во втором, запасном, моторе ехал дежурный флигель-адъютант. Машиной государя управлял Кегрес, ездивший с необыкновенною быстротою. На мои замечания относительно такой быстрой езды Кегрес всегда возражал, что государь это любит...

Неся главную ответственность за охрану царя и его семьи, я, со вступлением в должность, стал подробно знакомиться с делами, находившимися в ведении начальников отдельных частей Управления дворцового коменданта. Начальник дворцовой полиции – полковник Б. А. Герарди – ставил меня в курс инструкций, касающихся несения как наружной постовой, так и внутренней наблюдательной служб.

Все лица, имевшие вход во дворец, приходили с ведома дворцовой полиции, и, таким образом, я всегда был осведомлен о посетителях дворца – в срочных случаях по телефону, а обыкновенно по запискам или докладным...».

Глава 2

Охота на Ленина

Глава первого в мире государства рабочих и крестьян, председатель его Совнаркома, Владимир Ульянов-Ленин стал мишенью для террористов практически сразу после победы революции в октябре 1917 года. Достаточно сказать, что только в первой половине 1918 года на Ленина готовились два покушения. Причем одно из них едва не достигло цели. Первого января на Симеоновском мосту в Петрограде машину, в которой ехал Ленин, обстреляли террористы, возглавлял их князь Д. Шаховской. Пули стрелявших не причинили вреда ни Ленину, ни его сестре Марии Ильиничне, но ранили в руку швейцарского революционера Ф. Платтена.

После этого инцидента прошло чуть меньше трех недель, и вот уже в Москве едва не осуществилось новое покушение на вождя большевиков. Убить Ленина на этот раз замыслили бывшие офицеры Московского военного округа. Однако один из офицеров, что называется, «сломался» и явился с повинной в ЧК. После этого арестовать остальных заговорщиков было уже делом техники.

После двух неудачных попыток 17 (30) августа 1918 года последовало третье покушение, надо отметить, самое громкое из всех предыдущих.

В тот день, несмотря на то что весть о покушении на М. Урицкого уже достигла Москвы, Ленин выехал на бывший завод Михельсона безо всякой охраны. Единственным, кто сопровождал его в этой поездке и был вооружен, являлся его шофер – С. Гиль.

Когда автомобиль Ленина остановился на заводском дворе, ни один человек не вышел встречать вождя пролетарской революции. Ленин вышел из машины и направился в гранатный цех. Через несколько минут после этого там состоялся митинг, на котором и выступил Ленин.

Через час митинг закончился, и рабочие потянулись на улицу. Вышел из цеха и Ленин. Он шел не один, его сопровождала какая-то женщина, которая, судя по всему, была обычной просительницей. Когда до автомобиля оставалось всего несколько шагов, внезапно откуда-то сбоку раздались выстрелы. Предательские пули попали как в Ленина, так и в его спутницу (она была ранена в руку). Оба они упали на землю. На звук выстрелов из машины с револьвером в руке выскочил Гиль. Он подскочил к лежавшему на земле Ленину и попытался оказать ему первую медицинскую помощь. Между тем к месту происшествия со всех сторон уже бежали рабочие. Среди них – помощник военного комиссара 5-й московской пехотной дивизии С. Н. Батулин. Это именно он одним из первых грамотно оценил обстановку, погнался за предполагаемым убийцей и вскоре задержал его. Случилось это рядом с заводом, на Большой Серпуховской улице. Правда, кто конкретно стрелял в Ленина, Батулин не видел, поэтому он задержал того, кто показался ему в тот момент самым подозрительным. Этим «подозрительным» оказалась женщина с портфелем и зонтиком в руках, одиноко стоявшая под деревом. Арестовав ее, Батулин тут же отправился с нею в Замоскворецкий военкомат. Там выяснилось, что задержанная – Фанни Ефимовна Каплан (Ройдман), 1887 года рождения, член партии эсеров. Во время ночного допроса в тот же день она призналась, что именно она стреляла в Ленина. И тогда же председатель ВЦИК Я. Свердлов составил заявление для печати, в котором обвинил в покушении на Ленина правых эсеров, «наймитов англичан и французов».

Тем временем, в 22 часа 30 минут 17 (30) августа раненого Ленина в Кремле осматривают врачи. Они констатируют два слепых ранения и полагают, что одна пуля пробила верхушку левого легкого, шею и засела около правого грудинно-ключичного сочленения. Однако уже 1 сентября ординатор Староекатерининской больницы Д. Будинов подвергает Ленина рентгенологическому исследованию и устанавливает наличие пуль в мягких тканях левого надплечья и правой половины шеи, оскольчатый перелом левой плечевой кости, надлом (трещину) внут-

ренной части левой лопаточной кости и гемоторакс со смещением сердца вправо. Исследование опровергло вывод о том, что пуля повредила верхушку левого легкого. Буквально через несколько дней после покушения состояние Ленина начинает постепенно улучшаться.

Между тем, помимо Каплан, серьезные подозрения у чекистов вызывает и та женщина, что в момент выстрела находилась рядом с ним. Как выяснилось, была она кастеляншей из Петропавловской больницы. На следующий после покушения день женщину привозят на Лубянку. Арестовывают заодно и ее мужа и двух дочерей. Однако в начале сентября из-под стражи освобождают ее родных, а в начале октября – и саму кастеляншу.

А вот с Каплан все обстояло иначе. До 3 сентября 1918 года ее допрашивают чекисты, пытаются выведать имена сообщников. Однако Каплан держалась стойко и организаторов покушения (Григория Семенова и Лидию Коноплеву) чекистам не выдала. Между тем, по словам свидетелей покушения, заговорщиков в тот день было несколько. Один из рабочих на допросе показал, что видел рядом с Каплан какую-то женщину, что они о чем-то переговаривались. Каплан этот факт отрицала. Вполне вероятно, что это могла быть Коноплева. Другой свидетель в своих показаниях указывал на неизвестного матроса, который с револьвером в руке пытался приблизиться к раненому Ленину. Но С. Гиль не позволил ему этого сделать. В своих мемуарах Г. Семенов («Госполитиздат», 1922 г.) пишет о том, что стрелявшую в Ленина подстраховывал некто Новиков. Не он ли был тем матросом?

Одним словом, дело о покушении на Ленина таило в себе много загадок. Но следователи как будто и не пытались их разрешить. Свалив всю вину на Каплан, они уже через три дня после покушения подписали ей смертный приговор. Третьего сентября 1918 года в четыре часа дня Ф. Каплан была расстреляна комендантом Кремля П. Мальковым. По совету Я. Свердлова труп террористки следовало уничтожить, что и было сделано незамедлительно. Труп казненной бросили в бочку, облили бензином и подожгли. Однако и после этого по стране в течение нескольких десятилетий гуляли слухи о том, что Каплан жива, что вместо нее казнили кого-то другого. Эти слухи во многом основывались на том, что организатор покушения Г. Семенов в 1919 году был освобожден и даже принят в члены РКП(б). После чего он устроился на работу в военную разведку и выполнял секретные задания, работая в Китае. Все это и заставило некоторых исследователей задаться вопросом о том, кому было выгодно покушение на Ленина. В. Тополянский в «Литературной газете» так и пишет:

«Покушение на Ленина совершают, очевидно, эсеры, но готовит его будущий правверный коммунист Семенов. Вряд ли он действует по собственной инициативе, скорее выполняет чей-то заказ. Кто же отдает ему в таком случае распоряжения – председатель ВЦИК (Свердлов) или председатель ВЧК (Дзержинский)? Какие цели, помимо «красного» террора, они преследуют? Не связаны ли их замыслы с закулисными играми вокруг Брестского мира? И что же они пытаются утаить, поспешно свернув следствие по делу о покушении на вождя и не допустив судебного процесса? Версия кремлевского заговора в августе 1918 года все еще представляет собой уравнение с множеством неизвестных».

Спустя три недели после покушения на Ленина советское правительство издает распоряжение о создании охраны для руководителей-большевиков, для себя. Теперь В. Ленина, кроме вооруженного водителя, охраняют и несколько латышских стрелков. Начальником охраны В. Ленина назначают члена коллегии ВЧК Абрама Беленького. На этом посту он пробудет до самой смерти вождя пролетарской революции.

Глава 3

Как охраняли Гитлера

В 30-е годы индивидуальный террор в Европе буквально пожирал видных политиков. Только в первой половине того десятилетия были убиты: президент Франции Поль Думер (6 мая 1932 года), премьер-министр Румынии Ион Дуку (29 декабря 1933 года), федеральный канцлер и министр иностранных дел Австрии Энгельберт Дольфус (25 июля 1934 года), министр иностранных дел Франции Жан-Луи Барту и король Югославии Александр (9 октября 1934 года).

Между тем самыми хорошо охраняемыми европейскими политиками были трое вождей: Иосиф Сталин (СССР), Бенито Муссолини (Италия) и Адольф Гитлер (Германия). Подобраться к ним с целью совершения против них теракта было крайне сложно. Особенно это касается Гитлера и Сталина. О них и расскажем.

До 1933 года, то есть до того момента, пока Гитлер не стал рейхсканцлером Германии, его охраняла спецкоманда СС, укомплектованная отборными эсэсовцами из числа наиболее преданных членов национал-социалистской партии, служивших в специальной эсэсовской части, которая носила название «Лейбштандарт Адольф Гитлер».

Личная охрана Гитлера состояла из трех небольших групп, численностью по пять человек каждая, одна из которых всегда сопровождала Гитлера во всех его перемещениях. Возглавлял личную охрану Гитлера капитан баварской полиции Бельвиль.

В апреле 1933 года в далеких от Германии Соединенных Штатах Америки на столы к госсекретарю США Корделлу Халлу и к министру юстиции Гомеру Каммингсу легла докладная записка, в которой сообщалось, что американские евреи готовят убийство Адольфа Гитлера. После этого записка попала в руки директора ФБР Эдгара Гувера, который и запустил колесо расследования. Как оказалось, заговор действительно назревал, среди заговорщиков оказалось несколько известных раввинов и цвет еврейской мафии: знаменитые гангстеры Мейер Лански и Бенджамин Зигель. Гувер давно охотился за ними, однако все попытки упрятать их за решетку были тщетными. И вдруг везение: готовят покушение на главу иностранного государства! Упустить такой шанс шеф ФБР просто не мог.

Вскоре агентам ФБР удалось установить, что исполнить убийство Гитлера взял на себя некий Даниэль Штерн. Однако кто он такой и где его искать, ФБР не знало. Началась погоня за настоящей тенью. В это время, 21 апреля 1933 года, из штата Аризона пришло сообщение, что в городе Фениксе местная еврейская элита встречалась с посланцами из Нью-Йорка. На встрече говорилось, что дни Гитлера буквально сочтены. Это сообщение придало новые силы агентам ФБР. Конец весны и все лето 1933 года они продолжали искать заговорщиков. Но безрезультатно. Поэтому секретное дело № 65—531615 о заговоре против Гитлера пришлось закрыть. Однако, как выяснилось позднее, заговор действительно имел место, но сошел на нет из-за того, что ФБР буквально наступало заговорщикам на пятки. Так что выходит, что американское ФБР спасло Гитлеру жизнь.

Тем временем в том же апреле 1933 года начальником охраны Гитлера становится 36-летний Ганс Раттенхубер. В тот год он вступил в ряды НСДАП, а до того участвовал в Первой мировой войне и тринадцать лет прослужил в баварской полиции. На этой службе он проявил себя с самой лучшей стороны и был замечен самим рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером. Именно он и рекомендовал Раттенхубера в главные телохранители Гитлера. На этом посту Раттенхубер проработает двенадцать лет, то есть до самого падения фашистской Германии. Вот что он рассказывал о себе и своей службе:

«Вскоре после назначения меня начальником личной охраны Гитлер поставил передо мной задачу организовать также личную охрану Геринга, Гесса, Гимmlера, Риббентропа, Геббельса, Фрика, Дарре и обеспечить безопасность его резиденций в Мюнхене и Берхтесгадене. Осенью 1935 года я реорганизовал существовавшую охрану Гитлера, которая получила наименование «Имперская служба безопасности (РСД)».

Прервем на некоторое время рассказ Раттенхубера и напомним читателю, что именно осенью 1935 года в Америке произошло убийство 41-летнего сенатора Хью Лонга, возможного кандидата в президенты США. Случилось это 8 сентября.

Убитый был весьма популярен в Америке, его предвыборным девизом был лозунг: «Разделение богатств». То есть он собирался запретить гражданам США иметь доходы свыше одного миллиона долларов в год. Он мог стать серьезным соперником для президента США Ф. Рузвельта на предстоящих в 1936 году выборах, и президент весьма ревниво следил за тем, как набирает свои очки Хью Лонг. И вот вечером 6 сентября 1935 года, когда Лонг приехал в палату представителей штата Луизиана, к нему подошел незнакомый молодой человек и, не говоря ни слова, быстро выстрелил из пистолета ему в живот.

Телохранители, стоявшие рядом, среагировали слишком поздно. Они набросились на убийцу только после того, как раздался выстрел. Да и то убийца сумел вырваться и собирался вновь пустить в дело свой пистолет. Но тот внезапно заклинило. Тогда телохранители выпустили в него несколько десятков пуль. А раненого Хью Лонга отвезли в госпиталь, где он боролся со смертью в течение двух последующих дней. Десятого сентября он скончался. К тому времени выяснилось, что убийцей оказался 29-летний врач-ларинголог Карл Уайс. Почему он убил сенатора, так толком и не узнали. А затем и вовсе пошла «гулять» версия о том, что убийство совершил не Уайс, а один из телохранителей Лонга. К тому же выяснилось, что Лонг был связан с мафией, которая платила ему проценты от прибыли, приносимой сетью игровых автоматов. Короче, дело темное.

Дерзкое убийство популярного политика не могло пройти даром для профессионалов охраны. В том числе и в Германии, где служба охраны была одной из лучших в мире. Это убийство было взято на заметку, изучалось как образец неумелых действий охраны, которая позволила террористу не только приблизиться вплотную к охраняемому, но и произвести точный выстрел и даже оказать затем сопротивление.

Однако вернемся к рассказу начальника личной охраны Гитлера. Г. Раттенхубер продолжает:

«Имперская служба безопасности (РСД) была организована для личной охраны Гитлера и подчинялась только ему.

Все изменения в личном составе РСД производились с ведома и санкции Гитлера. РСД состояла на денежном и вещевом довольствии Министерства внутренних дел.

О вопросах штата и повышения в званиях я докладывал начальнику канцелярии Гитлера Ламмерсу, а последний, после своего решения, докладывал для утверждения Гитлеру.

Правда, в последние годы штатами РСД занимался также и Гимmlер, которому я докладывал по этому вопросу свои соображения. Однако окончательное решение выносил по-прежнему все же сам Гитлер.

В задачу Имперской службы безопасности входило:

1. Обеспечение безопасности Гитлера во время выступлений на митингах, массовых собраниях и т. д. во внутреннем секторе охраны (примерно 50—70 метров).

2. Охрана резиденций и квартир: Гитлера, Геринга, Гесса, Гимmlера, Риббентропа, Геббельса, Фрика, Дарре, фон Нейрата.

Во время войны к приведенному выше списку охраняемых лиц прибавились: Зейс-Инкварт, Тербовен, Бест, Дениц, Франк.

3. Охрана и обслуживание ставки Гитлера.

4. Охрана Гитлера во время его поездок.
5. Охрана Гитлера при его выездах за границу и на фронт.
6. Охрана Геринга, Гимmlера, Геббельса и других руководителей, которые были названы выше.

Причем:

1-й отдел РСД осуществлял сопровождение Гитлера, охрану Берхтесгадена и квартиры Гитлера в имперской канцелярии;

8-й отдел РСД нес охрану квартиры Гитлера в Мюнхене;

9-й отдел РСД занимался внешней охраной Берхтесгадена;

15-й отдел РСД нес охрану служебных помещений Гитлера в имперской канцелярии.

Обслуживание и охрана служебных и жилых помещений Гитлера

Нами была тщательно разработана инструкция, согласно которой весь обслуживающий персонал служебных и жилых помещений Гитлера в Берлине и его имения в Берхтесгадене, а также и их родственники подлежали постоянной непрерывной проверке со стороны полиции.

Пропуска в здания менялись ежемесячно.

У каждого входа было установлено круглосуточное дежурство привратников и сопровождающих.

Чердачные помещения и крыши находились под постоянным наблюдением охраны.

Проходы от служебных помещений имперской канцелярии к личным апартаментам Гитлера охранялись эсэсовцами из «Лейбштандарта Адольф Гитлер». Все помещения имперской канцелярии находились под контролем сотрудников возглавляемой мною охраны РСД.

Лица, приходившие на прием без заблаговременного оповещения, пропускались только после телефонного запроса. Все посетители получали специальный листок, на котором отмечалось время прихода, ухода и количество вещей, принесенных и унесенных ими из здания.

Лица, не имевшие специального пропуска, пропускались в здания лишь в сопровождении сотрудника охраны.

Багаж сдавался для досмотра в помещение охраны, причем считалось недопустимым, чтобы это помещение было расположено в непосредственной близости к жилой части.

Прием пакетов от неизвестных лиц был строжайше запрещен. Запрещалось также хранение невскрытых пакетов...

Продукты питания поставлялись от строго определенных фирм, служащие которых находились под постоянным тщательным полицейским контролем. Заказ продуктов по телефону был запрещен, и продукты закупались только лицами из личной охраны, которые доставляли их на кухню. Все продукты подвергались химическому анализу...

Примерно с шести часов вечера и до шести часов утра хождение посторонних лиц в непосредственной близости от имперской канцелярии было строжайше воспрещено. Лица, направлявшиеся по специальным пропускам в квартиру Гитлера, включая высших партийных чиновников, обязательно сопровождались дежурным охранником.

Помимо этого, вокруг дома Гитлера в Берхтесгадене было установлено большое количество прожекторов, которые включались все одновременно нажатием кнопки и освещали кругом большую территорию.

Кроме того, во всех помещениях, где находился Гитлер, включая спальню, имелся сигнал тревоги, соединенный с помещением охраны. Нажатием соответствующих кнопок Гитлер и его адъютанты могли вызвать охрану или объявить общую тревогу во всем районе.

В Берхтесгадене вся почта, поступавшая в адрес Гитлера, просвечивалась рентгеновским аппаратом.

Интересно заметить, что поступавшее из стирки белье Гитлера тоже подвергалось просвечиванию рентгеновским аппаратом. Обслуживающий персонал был при этом одет в свинцовую одежду для защиты от воздействия лучей.

Гитлером мне была поручена также организация охраны его квартиры в Мюнхене, находившейся на втором этаже частного дома на площади Принца-Регента, 16.

В этих целях я произвел проверку жителей дома и установил за ними тщательное полицейское наблюдение.

На первом этаже я разместил охрану из четырех человек, хорошо знавших всех жильцов дома, на чердаке был выставлен круглосуточный пост охраны. На дымоходных трубах были установлены защитные решетки для того, чтобы предотвратить заброс в них посторонних

предметов. Чердачные окна тоже были огорожены решетками и снабжены изнутри запорами. По одному ключу от всех имевшихся в доме дверных замков было передано в распоряжение охраны.

Весь участок перед домом был огорожен проволочным забором. Перед домом и во всем районе была учреждена круглосуточная патрульная служба. Прилегающие дома также находились под непрерывным контролем. Въезд в эти дома новых квартирантов разрешался только Имперской службой безопасности.

Все посетители дома заносились в учетную книгу и допускались в дом лишь после телефонного запроса у того или иного хозяина квартиры. За приносимый в дом багаж, который регистрировался, владельцы квартир несли строгую ответственность.

Однако, несмотря на мои настойчивые требования, Гитлер не позволял проводить обыск лиц, посещавших этот дом...

Охрана Гитлера в гостиницах

Гостиницы, в которых останавливался Гитлер, находились под непрерывным контролем гестапо. Сотрудники и постоянные гости также тщательно проверялись. Этим облегчался контроль за случайными посетителями.

Прибытие Гитлера в гостиницы было неожиданным, что исключало возможность скопления большого количества людей...

Старший охраны контролировал заселение комнат, прилегающих к апартаментам Гитлера. Комнаты рядом с ним обычно предоставлялись его адъютантам и свите.

В отсутствие Гитлера его комнаты подвергались тщательному наблюдению внутри.

Если Гитлер спускался в ресторан, то шесть охранников занимали соседние столы с расчетом видеть все, что происходит в зале.

Некоторое время спустя после прибытия Гитлера в ресторан входил ряд опытных чиновников криминальной полиции с женами – также для наблюдения за публикой.

Охрана Гитлера в театрах

Почти во всех немецких театрах имелись «ложа фюрера» и одновременно постоянные места для полиции в целях максимально четкого контроля и наблюдения за публикой. Эти места выбирались с обеих сторон ложи и над ней.

Личная охрана охраняла подходы к ложе и контролировала соседние ложи. Обычно Гитлер незаметно для публики входил в ложу вскоре после начала спектакля...

Более широкие охранные мероприятия предпринимались при официальных выступлениях. Места вокруг Гитлера и в охранном секторе выдавались только лицам по специальным спискам. Патрули наблюдали за всеми помещениями театра, вплоть до артистических уборных. Восьмидневные празднества в Байрейте (родина Вагнера) требовали усиленной охраны. Контролю подвергались все гостиницы, рестораны и особенно сам зал, где происходил фестиваль. Все приглашенные зрители тщательно проверялись тайной полицией за несколько месяцев до празднеств...

Охрана Гитлера на собраниях

и митингах

Места собраний еще за восемь дней до начала их открытия уже были объектом охраны. Все помещения проверялись, огнетушители подлежали удалению. Тщательно обследовались потолочные перекрытия. Специальные полицейские собаки охраняли все подступы к зданию. Патрульная служба действовала круглые сутки.

За два-три дня до собрания я лично проверял состояние проведенных охранных мероприятий. Гестапо и областное руководство НСДАП информировали меня о принятых ими мерах.

За 24 часа до начала собрания все здание еще раз основательно просматривалось и заполнялось охраной. С этого времени доступ в него разрешался лишь по специальным пропускам...

Определенные места оставлялись для фоторепортеров. Только некоторым из них разрешалось фотографировать Гитлера крупным планом. Снимки при вспышках магния допускались только с санкции самого Гитлера.

Должен также отметить, что после покушения на Гитлера в Мюнхене 9 ноября 1939 года охрана начала широко применять для подслушивания микрофоны, которые за несколько дней до прибытия Гитлера устанавливались между креслами в залах, где намечались его выступления. Микрофоны изготавливались фирмой «Цейсс».

Покушение 9 ноября 1939 года, о котором упоминает Раттенхубер, произошло в Мюнхене. В тот день нацисты отмечали шестнадцатую годовщину со дня неудачного «пивного путча» и чтили память погибших во время него товарищей. В 21 час 30 минут фюрер выступил с речью в пивной «Бюргербраукеллер». Обычно после своего выступления он спускался к старым бойцам партии и проводил в беседах с ними несколько минут. Однако в тот день он этого не сделал и сразу после речи покинул зал. Вскоре раздался мощный взрыв, в результате которого семь человек было убито и шестьдесят три ранено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.